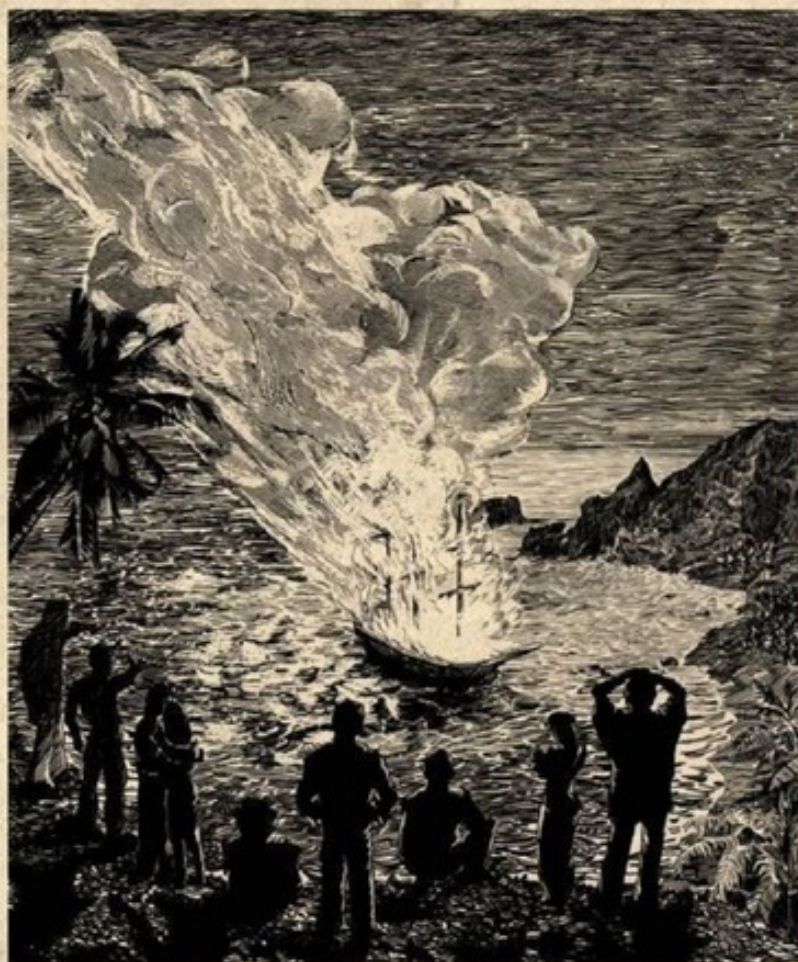


Дмитрий Семaкин



САГА О МЯТЕЖЕ НА «БАУНТИ» И ОБ ОСТРОВЕ ПИТКЭРН



ТОМ
I

Дмитрий Семакин

**Сага о мятеже на «Баунти»
и об острове Питкэрн. Том I**

«Издательские решения»

Семакин Д. Е.

Сага о мятеже на «Баунти» и об острове Питкэрн. Том I /
Д. Е. Семакин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932599-0

Роман с путешествием: электронная версия в трёх томах — к 10-летию первого издания. Впервые в русскоязычной научно-популярной литературе — фундаментальный авторский труд о «самом захватывающем приключении всех времён и народов»: легендарный бунт на корабле — и невероятная, продолжающаяся до сих пор история одного из самых изолированных человеческих поселений на планете. В первом томе — всё о Его Величества вооружённом судне «Баунти».

ISBN 978-5-44-932599-0

© Семакин Д. Е.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	7
Том I	12
«БАУНТИ»	13
Глава первая	14
КОРАБЛЬ	15
Хлебное дерево	15
Судно	20
Уильям Блай	23
Подготовка	27
Экипаж	30
Флетчер Кристиан	32
Камбрия	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сага о мятеже на «Баунти» и об острове Питкэрн Том I

Дмитрий Евгеньевич Семакин

Посвящается моим родителям

Иллюстратор Мария Сергеевна Ашихмина

© Дмитрий Евгеньевич Семакин, 2018

© Мария Сергеевна Ашихмина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2599-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

САГА О МЯТЕЖЕ НА «БАУНТИ» И ОБ ОСТРОВЕ ПИТКЭРН

Роман с путешествием

*К 200-летию открытия поселения на острове Питкэрн
капитаном Мэйхью Фолджером
(китобойное судно «Топаз», 1808)*

и

*к 175-летию со дня первого посещения Питкэрна
русским кораблем (военный транспорт «Америка», 1833)*

*«...Действительность иногда преподносит настолько романтические события, что
даже воображение не могло бы ничего к ним добавить...»*

Жюль Верн «Мятеж на Баунти»

*«...Всякий, прочитавший приводящееся здесь повествование, может убедиться, что
на этих страницах бушуют более сильные страсти, чем те, которые описываются в рома-
нах...»*

Луи Жаколио «Питкернское преступление»



ОТ АВТОРА

Что такое «Баунти»?

– *Райское наслаждение...*

– *«Щедрость» по-английски.*

– *Шоколадный батончик.*

– *Фильм такой был, про корабль...*

– *По-моему, остров в тропиках...*

– *Американская военная база, кажется...*

Вам что-нибудь говорит слово «Питкэрн»?

– *Нет.*

– *Как-как?*

– *???*

– *...*

Из импровизированных опросов на улицах Москвы.

Россия почти ничего не знает о мятеже на «Баунти».

И совсем ничего – об острове Питкэрн.

По каким-то загадочным причинам эта удивительная история, начавшаяся двести с лишним лет назад и не закончившаяся по сей день, прошла мимо наших соотечественников.

Этот сюжет настолько невероятен, что кажется сказкой. Придуманным мифом. Но в данном случае жизнь оказалась гораздо изобретательнее любого вымысла, и правда о мятежном корабле и «райском» островке давно стала красивой легендой Южных Морей.

На Западе эту трагическую и прекрасную эпопею, одну из самых, без преувеличения, потрясающих драм в летописи мирового мореплавания, часто называют «величайшим приключением всех времен и народов». Или еще так: «Сага о мятеже на „Баунти“ и об острове Питкэрн». У нас о ней – увы – практически никто понятия не имеет.

Из всего громадного наследия, вышедшего по этой теме на Западе (а это десяток фильмов, сотни научных трудов и более двух с половиной тысяч книг) на русский язык было переведено ничтожно мало.

Нет, специалисты по британскому флоту XVIII столетия или по истории Полинезии, конечно, в курсе, что такое «мятеж на Баунти» и что за остров Питкэрн такой. Те, кто увлекается старинными парусниками или экзотическими путешествиями, возможно, тоже что-то слышали об этом. Но остальная, широкая публика – увы – оказалась обделенной.

Любители кино, разумеется, вспомнят голливудский фильм «Баунти» (1984) с Мелом Гибсоном и Энтони Хопкинсом. Продвинутые знатоки-киноманы назовут картины с Марлоном Брандо, Кларком Гейблом и даже, возможно, с Эрrolлом Флинном. Юные читатели, должно быть, знают красочное иллюстрированное издание «Мятежи» (из серии «История пиратства») или переведенный роман «Бунт на Баунти» («Библиотека приключений и фантастики»). Русскоязычным поклонникам научно-популярной литературы постарше, скорее всего, также знакомы названия «Мятежный корабль», «На Баунти в Южные моря» и «Слева по борту – рай». Наши историки и географы, безусловно, сошлутся на опубликованные труды Владимира Даля, Отто Коцебу, Милослава Стингла и – конечно – Тура Хейердала. Искушенные библиотечные работники и литературоведы разыщут на эту тему переведенные на русский язык, но слегка подзабытые художественные произведения классиков: Дж. Г. Байрона, Ж. Верна, М. Твена, Дж. Лондона, Л. Жаколио и Р. Мерля. Плюс некоторое – незначительное

количество весьма своеобразных статей в различных справочниках, словарях и энциклопедиях. И, наконец, несколько поразительных по своей невежественности публикаций в прессе...

Вот, пожалуй, и все.

Не богатая, по сравнению с остальным миром, библиография на русском языке. И невооруженным глазом заметно, что многие перечисленные материалы предназначены, так сказать, «для младшего и среднего школьного возраста».

Между тем, история эта – совсем не детская. За прекрасной внешней «пиратской» романтикой и тропической экзотикой внутри этой драмы кипят весьма взрослые страсти. Говоря поэтическим языком – кровь-любовь. А если серьезно – секс и насилие. Жестокость и нежность. Преступление и наказание. Разврат и убийства. И «счастье в земном раю».

Но не только. И не столько.

Столкновение первобытных инстинктов и высокого интеллекта. Конфликт между чувством и долгом – в лучших традициях классицизма. Противоречивое слияние цивилизации и дикарства – в лучших традициях романтизма. Подвиги и подлость. Предательство и преданность. Мужчины и женщины. Вернее – джентльмены и *вахине*: британские моряки и девушки-полинезийки.

История с географией, в конце концов.

«Баунти» и Питкэрн... Легендарный бунт на корабле. Беспрецедентный двухвековой эксперимент по выживанию группы людей вдали от цивилизации. История острова-рая. И, наконец, недавний, шокировавший всех «секс-скандал».

Если в России спросить людей на улицах: «Какой самый известный корабль?», 9 из 10, естественно, скажут: «Титаник». Замечательный оскароносный фильм Дж. Камерона с триумфом прошел по всему миру и сделал свое дело.

На вопрос «Самый известный бунт на корабле?» многие наверняка ответят: «Броненосец Потёмкин» (тоже исключительно благодаря кино – прославленная картина Сергея Эйзенштейна считается чуть ли не лучшим фильмом всех времен и народов).

А самый известный остров у россиян – бесспорно, остров Пасхи.

Да, благодаря великому Туру Хейердалу остров Пасхи в России знают все. А вот его ближайшего обитаемого соседа – остров Питкэрн – не знает никто. Между тем история Питкэрна, по моему глубочайшему убеждению, гораздо интересней истории знаменитого острова каменных идолов.

«Титаник» и «Потемкин» – безусловно, легендарные корабли. Символы. «Звезды». Но судьба «Баунти» не менее удивительна и драматична. Если не более.

Просто паруснику «Баунти» и острову Питкэрн почему-то не очень повезло. На них пока не нашлось своего Камерона или Хейердала. В России о Саге могли написать Пушкин, Гончаров, Станюкович, Блок, Высоцкий. Не написали. Большевики могли использовать историю «пролетарского» бунта и вольного острова в агитационно-пропагандистских целях – не использовали. В это трудно поверить, но НИКТО из российских или советских ученых – историков, географов, океанистов, этнографов и так далее – НИКОГДА не интересовался «Баунти» и Питкэрном всерьез.

В общем, пока еще никому у нас не удалось утвердить эти названия в массовом сознании, и они не стали культовыми. Хотя, по-моему, вполне этого заслуживают. Российскому читателю и зрителю еще предстоит узнать эту историю в деталях. Узнать и – возможно – полюбить всем сердцем.

Да, то, что в конце XVIII века случилось с английским кораблем «Баунти» на противоположной стороне Земного Шара, в Полинезии, не имеет никакого отношения к сегодняшней российской жизни. Эта давняя история так же далека от нас, как остров Питкэрн – от Москвы. Но, может быть, именно поэтому мне она кажется такой невыразимо прекрасной и захватывающей?..

Эта книга – попытка рассказать Сагу о мятеже на «Баунти» и об острове Питкэрн максимально подробно и наглядно. И обязательно с учетом личных впечатлений автора. Ведь я не только перевернул большое количество материалов в библиотеках и музеях, мне еще посчастливилось посетить основные места действия Саги, начиная с английского Портсмута и заканчивая самим островом Питкэрн.

Я не журналист и не ученый. А просто страстный энтузиаст, сочинитель, много лет увлеченный историей «Баунти». Любитель – от слова «любить». И слово «роман» в подзаголовке книги – не обозначение литературного жанра, а, скорее, суть моих взаимоотношений с Сагой.

И потому эта книга – не научный труд и не журналистское изыскание. Она ни в коей мере не претендует на то, чтобы стать всеобъемлющим исследованием или полноценной монографией, нет. Просто мне очень хочется поделиться с русскоязычными читателями всем, что я знаю о Саге сам. И рассказать – возможно, не очень умело, зато от себя лично – о мятеже на «Баунти» и острове Питкэрн как можно большему числу людей.

В склянке темного стекла
Из-под импортного пива
Роза красная цвела
Гордо и неторопливо.

Исторический роман
Сочинял я понемногу,
Пробираясь, как в туман,
От пролога к эпилогу.

Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...

Булат Окуджава

Несколько слов об именах собственных и об орфографии.

Во всевозможных энциклопедиях, словарях и справочниках, изданных на русском языке, информации о «Баунти» и Питкэрне, увы, совсем немного. И вся она какая-то путанная, разрозненная – местами слегка неточная, местами абсолютно неверная. Начиная с дат и заканчивая именами собственными.

Например, название корабля «Баунти» («Bounty») раньше по-русски писалось как «Боунти». Фамилию капитана Уильяма Блая (William Bligh) транскрибировали то как «Блей», то даже как «Блиг». Предводителя мятежников Флетчера Кристиана (Fletcher Christian) то, путая его имя и фамилию, часто звали Кристианом Флетчером, то произносили «Крисчен», «Кристьен» или даже «Христиан». А что говорить о бесконечных разночтениях в экзотических названиях и именах: Таити – Отахеите, Тубуаи – Тапуаи, Тараро – Тулалоо, Маутуа – Маимити и т. д., и т. п. А как только не «переводили» название легендарного острова мятежников с «Баунти» – Pitcairn – русские авторы: и Питкайрн (Брокгауз и Эфрон), и Питкерн (В. И. Даль), и Питкаирн (Н. Н. Миклухо-Маклай), и Питкэйрн (интернет).

Вообще, слово Pitcairn правильнее произносить как «ПиткеЭн» [pit'kean]. Между тем и «Большая Советская Энциклопедия» (1978), и «Российский Энциклопедический Словарь» (2001), и, скажем, «Энциклопедия Кирилла и Мефодия» (2005), не сговариваясь, предлагают нам следующую транскрипцию: Питкэрн. И я, не обсуждая сейчас фонетическую точность подобного «перевода», буду придерживаться именно этого варианта.

И фамилию Christian, следуя принципу «как слышится, так и пишется», надо по-русски писать «Крисчиан». Однако и здесь я предлагаю традиционное написание, более привычное русскому уху: Флетчер Кристиан.

Полная неразбериха и с «полом» (если можно так выразиться) «Баунти». Нет, на самом деле: «Баунти» – он или все же – она?

А, может быть, даже – оно (судно)?

С одной стороны, конечно, «Баунти» – он: корабль, парусник (некоторые, между прочим, неверно классифицируют «Баунти» как фрегат или бриг). Так у подавляющего большинства русских авторов и переводчиков: «...«Баунти» бодро скользил...», «удалялся», «достиг» и т. д.

Но с другой стороны, название легендарного судна переводится на русский как «Щедрость» (женский род). Кстати, в русскоязычной литературе о Саге можно прочесть о другом корабле с женским именем: «...многотонная „Пандора“ села на мель...». (А не „Пандора“ сел!). И это, на мой взгляд, абсолютно грамотно.

И к тому же, термин ship (корабль) – чуть ли единственное в английском языке слово, обозначающее неодушевленный предмет, по отношению к которому, согласно старой доброй традиции, используются местоимения не среднего, а женского рода: не it или its, а she, her.

Для меня, несколько лет изучающего историю Мятежа, сомнений нет: «Баунти» – «особь» женского пола. У этого судна была, с позволения сказать, женская сущность. Женская душа. Да и в самой романтически-женственной фонетике это слова – Баунти – согласитесь, нет ничего маскулинного.

Так что, видимо, «Баунти» все-таки – она. Тут я с большинством русскоязычных авторов и переводчиков не совпадаю.

Что же касается остальных географических названий и имен собственных, то и здесь я рискну оставить за собой право на авторскую орфографию. Которая, разумеется, будет основываться преимущественно на традиционных написаниях, принятых в литературе, словарях и справочниках. Но не всегда. Так, например, в словосочетаниях «Тихий Океан» или «Южные Моря» у меня рука не поднимается писать «океан» и «моря» с маленькой буквы. Кто хоть раз бывал ТАМ, я надеюсь, поймет меня, сухопутного краба, влюбленного в море.

В общем, я заранее прошу прощения у всех ревнителей русской словесности, кому, может быть, стиль, слог, орфография и пунктуация этой книги покажутся небезупречными.

И, наконец.

Я хочу сказать искреннее спасибо всем тем, без кого этот Проект не состоялся бы. Всем, кто так или иначе, словом или делом помог мне в его осуществлении.

Прежде всего, спасибо моей ненаглядной Маше Ашихминой – за вдохновение, веру и увлеченную работу по оформлению книги и Проекта.

Ане Высоцкой – за многолетнее терпение и конструктивную критику. Татьяне Ермолаевой – за помощь.

Спасибо моему другу и неизменной переводчице Маше Козловской-Уилтшир – за то, что всегда верила в Проект и потратила на меня огромное количество своего времени.

Семье Собчак – Виктору, Елене и Илье – за гостеприимство в их лондонской квартире.

Спасибо моему однокласснику Дмитрию Вологжанину, благодаря которому я через интернет приобрел несколько бесценных книг, и у которого пару раз останавливался во время своих визитов в США.

Кандидату исторических наук Валерию Павловичу Николаеву, заведующему Отделом Южнотихоокеанских Исследований Института Востоковедения Российской Академии Наук – за всемерную поддержку Проекта.

Игорю Чининову из Института Этнологии и Антропологии РАН – за ценные консультации и важные комментарии.

Сотрудницам Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург), и, в первую очередь, Марине Евгеньевне Малевинской;

а также всем тем, кто так или иначе помогал мне в работе в Библиотеке Иностранной Литературы, в Исторической Библиотеке, в гринвичском Морском Музее и в лондонской Британской Библиотеке.

Спасибо моим иностранным друзьям – за бесценные советы и добрые слова одобрения: прежде всего – Глинну Кристиану (Glynn Christian), чья замечательная книжка «Fragile Paradise» («Хрупкий Рай») вдохновила меня начать свой Проект;

добрейшей Барбаре Кучау (Barbara Kuchau), секретарю филателистической Группы Изучения Островов Питкэрн из США (Pit-cairn Islands Study Group USA), модератору международного интернет-клуба «Друзья Питкэрна» («Friends of Pitcairn») и воодушевленному организатору Конференции «Баунти – Питкэрн»;

профессору Герберту Форду (Herbert Ford), директору калифорнийского Центра Изучения Островов Питкэрн (Pitcairn Islands Study Center);

доктору Фолькмару Шмиду (Volkmar Schmid), лидеру берлинского «Проекта Баунти»; капитану Джефффри Томасу (Jeffrey Thomas) из британской Группы Изучения Островов Питкэрн (PISG UK);

Дэвиду Рэнсому (David Ransom), издателю специализированного альманаха «The UK Log», опубликовавшему несколько моих статей;

милейшему Марку Уоллеру (Mark Waller), официальному представителю британского правительства на Островах Питкэрн.

Также спасибо Ширли Диллон (Shirley Dillon) и ее коллегам из новозеландской Администрации Питкэрна за своевременную и полезную информацию, касающуюся правил въезда на территорию Островов.

Особенно хочу поблагодарить Мэри Краули (Mary T. Crowley), владелицу агентства «Ocean Voyages» (США), – за всё, что она сделала для нашего океанского вояжа.

Спасибо милым девушкам из Клуба Путешественников «Ветер Свободы» – Кате Адитяровой, Насе Рязанцевой, Ольге Резник, Оксане Адиловой и другим; они здорово помогли мне в организации Экспедиции.

Отдельное огромное спасибо – Владимиру Шалатонову и его очаровательной жене Людмиле; без них поездки на Питкэрн не было бы.

Спасибо удивительному экипажу прекрасной яхты «Соваж» – семье Ваттрело (Wattrelot): Дидье, Софи, Хлое и Нино.

Спасибо Тому и Бетти Кристиан, а также Кэрол Уоррен, предоставившим нам на Питкэрне приют.

И, наконец, спасибо всем-всем-всем остальным жителям острова Питкэрн от мала до велика – просто за то, что они есть.

Том I

«БАУНТИ»



«...История мятежа на „Баунти“, британском корабле, который крейсировал в Южных морях под командой капитана Уильяма Блая, еще долгое время будет увлекать воображение авторов приключенческих романов и повестей...»

Яков Свет «История открытия и исследования Австралии и Океании»

«...Почему океан назвали Тихим? С большим основанием его можно было бы окрестить океаном Баунти, ибо ни один корабль не вписал такую яркую страницу в историю, как английское королевское военное судно „Баунти“, и никогда еще люди так не поражали воображение своих соотечественников, как офицеры и матросы „Баунти“...»

Арне Фальк-Рёнке «Слева по борту – рай»

Глава первая

КОРАБЛЬ

«Bounty» («Баунти»). Тип: торговое судно (Британия). Водоизмещение: 218 тонн. Размеры: 28 м х 6 м х 3 м. Максимальная скорость: 9 узлов. Спущен на воду: 1780 г. Сразу после постройки торговое судно «Bounty» носило имя «Bethia». В 1787 г. «Bethia» была продана, переименована в «Bounty» и дооборудована для перевозки саженцев хлебного дерева с Таити в Вест-Индию. Операция проводилась в рамках плана по созданию дешевых источников пищи для рабов на сахарных плантациях. Свой первый рейс на Таити судно совершило в конце 1787 г. Им командовал капитан Блай. При возвращении в 1788 г. команда подняла мятеж и, посадив капитана и 18 членов команды в небольшой баркас, пустила его по воле волн. Мятежниками руководил второй помощник капитана Кристиан Флетчер. Само судно возвратилось на Таити, а затем было уведено Кристианом на остров Питкэрн, где судно село на мель и было сожжено. Капитан Блай и его спутники, после героического путешествия длиной в 4000 миль (7600 км), достигли Тимора в Восточной Индии.

Энциклопедия кораблей

Хлебное дерево

В канун Рождества 1787 года, 23 декабря, в воскресенье, из английской гавани Спитхед, что неподалеку от города Портсмут, держа курс на зюйд-вест, вышел трехмачтовый парусник британского Королевского Флота – Его Величества Вооруженное Судно «Баунти» (His Majesty's Ship «Bounty»).

Подготовка к отплытию велась в обстановке строжайшей секретности, и лишь очень немногие знали истинную цель и назначение этой экспедиции. Однако задолго до того, как «Баунти» подняла паруса, и морякам – уже в открытом море – официально объявили об их задании, по флоту поползли слухи. В кругах, близких Адмиралтейству в Лондоне, в судостроительных верфях в устье Темзы и во всех портовых кабаках южного побережья Англии все чаще и чаще шептались о грядущем путешествии «Баунти».

Это должна была быть не совсем обычная экспедиция. Точнее – совсем необычная.

Во-первых, экзотический пункт назначения. Не в Новый Свет, на Североамериканский континент; не в дикую Западную Африку; не в сказочную, но ставшую уже привычной восточную Индию; и даже не к далеким берегам Новой Голландии (Австралии) и Новой Зеландии. А гораздо дальше в Южные Моря (так тогда именовалась тропическая область Тихого Океана) – на райский остров с причудливым и манящим названием Отахеите (Таити).

И, во-вторых, абсолютно уникальная миссия. Не на войну с врагами-соседями и не в поход за чернокожими рабами; не для открытия новых земель и не на поиск пресловутого Южного материка; не за диковинными заморскими товарами и не за золотом и алмазами. А за «чудо-растением».

Главная задача «Баунти» ставилась следующим образом: собрать на так называемых Островах Общества, а затем доставить на плантации Вест-Индии не что иное, как хлебное дерево.

...И дерево-кормилец, чьи плоды —
Без пахот нива, жатва без страды, —
Воздушный пекарь дарового хлеба,
Его пекущий в жаркой печи неба...

Дж. Г. Байрон

«Остров, или Христиан и его товарищи» (пер. Вяч. Иванова)

Сегодня эта затея более чем двухвековой давности кажется нелепой и абсурдной. Но тогда, двести с лишним лет назад, она выглядела свежей и дерзкой. Вполне в духе времени.

Что же это было за время?

Последняя четверть XVIII века. Эпоха Просвещения и расцвет рабства. Преддверие кровавых революций и зарождение демократии. Прогресс европейской науки и пугачевский бунт в России. Кризис Британской Империи и начало Соединенных Штатов Америки.

Начнем издалека.

...К 1775 году на легендарных «островах сокровищ» в Карибском море пиратов (корсаров, флибустьеров, буканьеров и т. д.) практически не осталось совсем. Английские, французские, испанские и голландские власти сообща расправились с «джентльменами удачи», и Вест-Индия из авантюрно-романтического, но крайне опасного региона превратилась в преуспевающую экономическую зону, в богатую сельскохозяйственную область. На сотнях тростниковых плантаций трудились тысячи чернокожих невольников, и караваны судов без усталости пересекали Атлантику, доставляя в Европу тонны сахара, кофе, табака и других колониальных товаров. Это приносило миллионы. Плантадоры, работоторговцы и судовладельцы процветали.

Ямайка, Барбадос и Багамы, Антигуа и Барбуда, Сэйнт-Винсент и Гренадины, Сэйнт-Китс и Невис, Виргинские и Каймановы острова... Сегодня, в XXI веке, этими названиями пестрят брошюры и проспекты многочисленных туристических агентств, предлагающих своим клиентам изысканный «отдых на тропических островах». А тогда эти точки на карте по праву считались жемчужинами английской Короны. И вместе с Северо-Американскими колониями составляли оплот растущей Британской Империи.

Но потом случилось то, что должно было случиться. 13 штатов, расположенных на Атлантическом побережье Нового Света, восстали против своей метрополии, намереваясь отделиться и стать суверенными государствами. Заморские падчерицы старой доброй Англии, повзрослев, стали самостоятельными и пожелали «жить отдельно».

17 июня 1775 года Битвой при Банкер-Хилл (штат Массачусетс) начались боевые действия между повстанческой армией «новых англичан» (американцев) и правительственными британскими войсками. По легенде, приказ о самом первом пушечном выстреле отдал майор Королевской морской пехоты по имени Джон Питкэрн (John Pitcairn)¹.

Запомним эту фамилию.



Смерть майора Питкэрна

¹ В том же бою майор Питкэрн был смертельно ранен. Между прочим, это именно его сын, юный Роберт Питкэрн, за восемь лет до этого, в 1767 году, открыл в Южных Морях необитаемый островок, который был назван в его честь – остров Питкэрн. Впрочем, об этом – в свое время...

Так началась Война за Независимость США.

Закончилась она через восемь лет, в 1783-м, и ее итоги оказались для Империи весьма печальными. Британская Корона потеряла свои богатейшие Северо-Американские колонии, и на карте мира появилось новое суверенное государство – Соединенные Штаты Америки. Это стало не только существенным ударом по политическому могуществу Королевства, но и болезненным экономическим поражением страны.

В частности, в непростом положении оказались английские плантаторы Вест-Индии.

Нет, на Карибах сахарный тростник по-прежнему плодоносил исправно, как и раньше принося приличный доход хозяевам и государственной казне. Торговля не прекращалась и бизнес, в общем, процветал. Но... Дело в том, что на полях, как уже было сказано, трудились тысячи чернокожих рабов из Африки, и их нужно было чем-то кормить. Невольники по определению неприспособлены в еде, и раньше обходились ямсом и бананами, обильно произрастающими в жарком карибском климате, а зерно и хлебную муку ввозили с Американского континента.

Теперь ситуация изменилась.

Тропические ураганы частенько уничтожали хрупкие банановые деревья, а главное – пшеницу и кукурузу теперь нужно было либо везти из Европы, либо покупать у «новых американцев» втридорога.

И то, и другое сильно било по карману хозяев плантаций. Расходы увеличивались год от года, и прибыль неуклонно падала. Бизнес оказался под угрозой, и надо было что-то делать.

И тут возникла спасительная идея. Хлебное дерево!



Плоды хлебного дерева на ветке

*Хлебное дерево – виды деревьев рода *Artocarpus* семейства тутовых. Около 50 видов, в Юго-Восточной Азии, Океании и др. районах тропиков. Наибольшее значение имеет *X. д. обыкновенное* (*A. altilis*, или *A. coinpinis*, *A. incisa*), издавна культивируемое на островах Тихого океана. Деревья высотой до 35 м и диаметром до 1 м, листья пальчато-лопастные, соплодия весят до 3—4 кг. Соплодия *X. д.* содержат 60,5—80% крахмала, до 14% сахаров и 0,2—0,8% жиров и используются в пищу в варёном и печёном виде. Семена *X. д.* едят жареными. В некоторых районах, особенно на океанических островах, *X. д.* – источник питания для населения.*

Большая Советская Энциклопедия

На хлебное дерево (по-английски – breadfruit, «брэдфрут»; по-таитянски – «иги, «уру») первым из европейцев еще в 1595 году обратил внимание испанский мореплаватель Альваро Менданья де Нейра. Спустя сто лет, в 1697 году английский пират-исследователь Уильям Дампьер так описал «чудо-плоды» в своем труде «Новое путешествие вокруг света»:

«Хлебный фрукт, как мы его называем, растет на большом дереве, столь же большом и высоком, как наши самые высокие яблони; оно имеет обширную крону, полную ветвей и темных листьев. Плод растет на ветвях подобно яблокам; <...> он имеет круглую форму, и у него толстая, жесткая корка. Когда плод приготовлен, он желтый и мягкий, и вкус его сладок и приятен. Уроженцы Гуама используют его как хлеб. Они собирают его, когда он полностью созрел, пока он зеленый и твердый; тогда они пекут его в печи до тех пор, пока он не покроется коркой и не станет черным; но они соскабливают внешнюю кожуру, и там остается нежная тонкая оболочка; внутренняя часть мягка, нежна и бела, подобно крошке белого хлеба. Внутри нет ни семян, ни косточек. Плод плодоносит восемь месяцев в году, и в течение этого сезона аборигены не едят ничего другого, похожего на хлеб...».

Сильное впечатление хлебное дерево произвело и на прославленного капитана Джеймса Кука, совершившего три знаменитых путешествия в Южные моря (1768 – 1771, 1772 – 1775 и 1776 – 1780). Существует классическое изображение «хлебного фрукта», сделанное штатным художником Первой Экспедиции Кука Сиднеем Паркинсоном. В Англии широко о хлебном дереве узнали после выхода в свет книги Джона Хоуксуорта «Отчет о Путешествиях Байрона, Уоллиса, Картерета и Кука» в 1773 году.

Сейчас довольно трудно установить, кому первому пришла в голову дерзкая мысль о трансплантации хлебного дерева с островов Южных морей на Карибские острова. Покойный профессор Свен Уолрус, автор прекрасной книги «Мятеж и Романтика в Южных морях», считал, что, скорее всего, это был некто Валентайн Моррис, с 1771 года – Капитан-Генерал Британской Вест-Индии. Известно, что он поделился своей идеей со своим другом, влиятельным вельможей сэром Джозефом Бэнксом.



Сэр Джозеф Бэнкс

Сэр Джозеф Бэнкс (1743 – 1820), покровитель науки и искусств, исследователь, натуралист. Главный инициатор экспедиции «Баунти».

Унаследовав колоссальное состояние от отца, Бэнкс получил блестящее аристократическое образование в школах и колледжах Харроу, Ито-на и Оксфорда. Всю жизнь увлекался естественными науками. Принимал активнейшее участие в Первой экспедиции капитана Джеймса Кука в Южные моря (1768 – 1771): вложил около 10.000 фунтов стерлингов собственных средств в достройку и оборудование судна «Индевор», пригласил в качестве ботаника выдающегося шведского ученого Дани-ела Соландера, проплыл с Куком по всему маршруту... Во время пребывания на Таити и других островах лично исследовал местную флору, в том числе и хлебное дерево.

В 1778 году Бэнкс стал Президентом богатой и могущественной организации – Королевского Общества (так в Британии называют Академию Наук). Сфера его интересов расширилась. Например, один из его удачных проектов – колонизация Австралии. Это именно сэр Джозеф Бэнкс в 1779 году инициировал основание каторжных колоний «у анти-подов», на противоположной стороне земного шара – в Новой Голландии (так тогда называли недавно открытый и во многом загадочный Зеленый Континент).

Благодаря его стараниям спустя восемь лет, в мае 1787 года (кстати, в те же самые дни, когда решалась судьба проекта «Хлебное дерево») к берегам Австралии отправился Первый Британский Флот с 756 заключенными в трюмах. Забегая вперед, скажем, что идея удалась: с первой уголовной колонии в бухте Ботани, Порт-Джексон (сегодня – Сидней, Австралия) началось освоение и заселение Пятого материка. За это иногда сэра Джозефа Бэнкса при жизни называли «отцом Австралии».

Будучи хозяином нескольких рабовладельческих плантаций в Вест-Индии и при этом близким другом и советником Его Величества Георга III, «короля-фермера», Бэнкс лично лоббировал вопрос об экспедиции за хлебным деревом.

Дело было непростое, ведь еще с 1775 года (то есть с самого начала войны с мятежными Североамериканскими колониями) Комитет Плантаторов Вест-Индии безуспешно хлопотал о перевозке чудо-растения с Таити на Карибы. Тогдашние британские «олигархи» опасались

потерять крайне выгодный бизнес и поэтому искали самые невероятные возможности обеспечить свою главную рабочую силу едой.

Уру размножается не семенами, а саженцами, и поэтому главная проблема состояла в том, чтобы перевезти драгоценный и нежный груз за тысячи миль в целости и сохранности, с минимальными потерями. Была составлена подробнейшая инструкция по транспортировке побегов хлебного дерева, содержащая его детальное и иллюстрированное описание и даже чертеж специального переносного ящика для рассады. Было объявлено щедрое денежное вознаграждение тому из шкиперов, кто первым отважится доставить спасительные ростки из Южных Морей в Вест-Индию. Наконец, при непосредственном участии сэра Дж. Бэнкса был разработан четкий план экспедиции: снарядить корабль – отправиться на недавно открытый остров Таити – собрать там необходимое количество саженцев – бережно перевезти их на карибские плантации – и там посадить.

В конце концов, усилия рабовладельцев, коммерсантов и лично сэра Дж. Бэнкса увенчались успехом: 15 мая 1787 года высочайший указ о миссии в Южные Моря был подписан.

И приготовления к уникальной экспедиции начались безотлагательно.

Судно

Первым делом Адмиралтейству было предписано обеспечить подходящее судно. Поскольку в ту пору командование готовилось к войне с французами, решили не использовать корабли Королевского Военного Флота, а купить и переоборудовать какую-нибудь торговую шхуну, водоизмещением не больше 250 тонн.

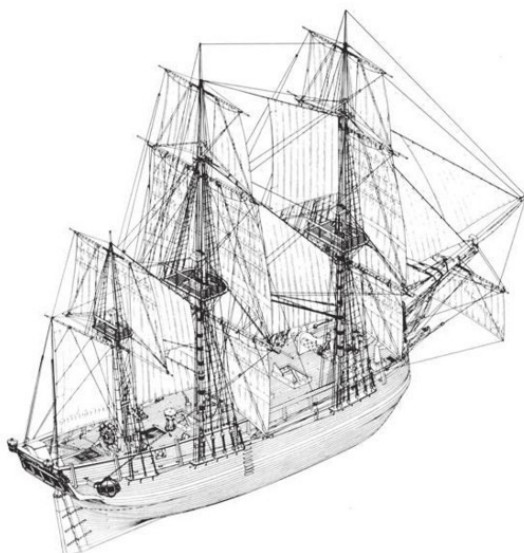
Уже 16 мая специальная комиссия рассмотрела шесть предложений, и, в конечном итоге, выбор пал на каботажный перевозчик угля под названием «Bethia» («Бетиа»). Это был относительно новый, полностью оснащенный трехмачтовый корабль с так называемым прямым парусным управлением, построенный в верфи Халла и спущенный на воду в 1784 году, всего за два с половиной года до описываемых событий.

23 мая судно выкупили у владельцев, фирмы Уэллбанк, Шарп и Браун, за £1950 (по другим данным – 26 мая и за £2600)². «Бетиа» была немедленно направлена в доки Дептфорда (восточный пригород Лондона) для переоборудования. Тогда же корабль решили переименовать и, по предложению все того же сэра Дж. Бэнкса, назвали «Баунти» («Bounty», что по-английски означает «Щедрость»). 8 июня в официальном списке кораблей Британского Королевского Флота появляется строчка с полным официальным именем: Его Величества Вооруженное Судно «Баунти».

В этом переименовании – безусловно, благодарность королю Георгу III, точнее, его монаршей щедрости, соблаговолившей помочь страждущим плантаторам. Плюс – символ гуманности всей миссии.

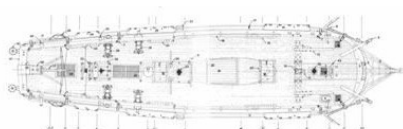
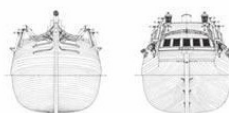
И кое-что еще. Бывалые моряки знают: перед плаванием менять кораблю имя нельзя – плохая примета. Но тогда этим предрассудкам, разумеется, не придали значения...

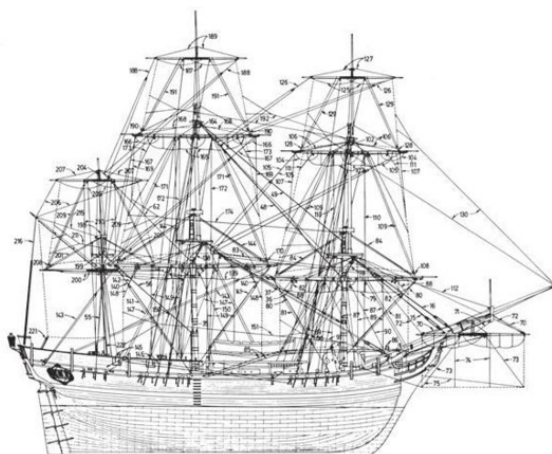
² По нынешним ценам это примерно \$130.000.



«Баунти» (бывш. «Бетиа»). Общий вид (из книги Дж. Маккэя «Вооруженный транспорт БАУНТИ»).

По тем временам это было обычное каботажное судно. Задранный вверх тупой нос и широкая корма; плоская верхняя палуба без надстроек (все функциональные помещения – матросские кубрики, каюты офицеров, камбуз, галюн, цейхгауз и прочее – располагались внизу, в трюмах), и никаких окон или иллюминаторов по бортам. За исключением двух узких лестничных люков на юте и баке, грузового шлюза и крошечных вентиляционных отверстий по обеим сторонам от передней части судна – никаких отдушин для проникновения на нижние палубы свежего воздуха и дневного света.





Чертежи «Баунти» (из книги Дж. Маккэя «Вооруженный транспорт БАУНТИ»).

Оно и понятно: «Бетиа» предназначалась для перевозки товаров и грузов (в частности, угля), и о комфортных условиях для экипажа строители заботились тогда меньше всего.

Из особых примет: спереди, под бушпритом, нос корабля украшала аляповатая деревянная фигура молодой женщины в голубом костюме для верховой езды (см. цветную вкладку).

«Баунти» («Бетиа») имела 90 футов 10 дюймов в длину (27,3 метров; впрочем, с бушпритом, от носа до кормового фонаря – 138 футов или 41,4 м) и 24 фута 4 дюйма в ширину (7,3 м) – по размеру самой широкой поперечной балки. Расстояние от кончика киля до верхней палубы – 22 фута (6,6 м), от ватерлинии до мостика – приблизительно 11,5 футов (3,5 м); высота мачт – от 48 (14,4 м) до 59 футов (17,7 м). Фок- и грот-мачты имели по три, бизань-мачта – два рея. Водоизмещение судна было оценено в 215 тонн (минимально допустимая норма для военного корабля британского флота в ту пору – 200 тонн).

Без сомнения, для тяжелого, долгого и опасного путешествия это было очень маленькое судно. Для сравнения: легендарные корабли Кука «Индевор» (386 тонн), «Резолюшн» (462 тонны) и «Адвенчер» (336 тонн) были значительно больше. В дальнейшем размеры «Баунти» и жуткая теснота на борту еще сыграют свою роль в предстоящих событиях.

Второй, не менее важный вопрос, стоявший перед Адмиралтейством – кадровый. Кто поплывет на «Баунти»? Кому из шкиперов можно доверить беспрецедентное задание? Как вообще должна формироваться команда для подобной экспедиции? Забегая вперед, надо сказать, что и здесь начальство проявило себя не самым лучшим образом. Экипаж набирался весьма странно.

Первыми людьми, назначенными на борт «Баунти» по настоянию сэра Дж. Бэнкса, стали ботаник Дэвид Нельсон (участвовавший в последней, Третьей Экспедиции Кука) и садовник Уильям Браун (работавший в Королевских садах Кью). Обычная история в ту пору: нет еще ни командира, ни экипажа, но основные специалисты уже на месте. Им было поручено следить за переоборудованием судна под нужды саженцев. Тем временем поиски капитана продолжались.

Впрочем, насколько известно, никаких поисков практически не было. Вездесущий и всемогущий сэр Дж. Бэнкс, посоветовавшись с особо приближенными людьми, сделал свой выбор. И рекомендовал Адмиралтейству человека, который, по мнению многих, идеально подходил для руководства экспедицией.

Так в нашей истории появляется ключевая фигура и одно из главных действующих лиц предстоящей драмы – лейтенант Уильям Блай.

Уильям Блай

Блай отвечал всем требованиям. Во-первых, это был кадровый морской офицер в самом расцвете сил. Во-вторых, на флоте он, с одной стороны, имел устойчивую репутацию ревностного служаки, а с другой – слыл опытным профессионалом и одним из лучших навигаторов. В-третьих, он прошел школу самого Кука. В четвертых, он бывал и на Таити, и в Вест-Индии. И, наконец, в пятых, он был мужем Элизабет (Бетси) урожденной Бетам, племянницы крупнейшего вест-индского плантатора и судовладельца Данкана Кэмпбелла, входившего в круг приближенных вдохновителя всей экспедиции – сэра Дж. Бэнкса.

16 августа 1787 года, за три с половиной недели до своего 33-летия, лейтенант Уильям Блай был официально назначен командиром «Баунти».



Уильям Блай

К возрасту Христа Блай как морской офицер явно мог рассчитывать на большее. К тому времени его карьера, как говорится, оставляла желать лучшего.

Единственный сын таможенного чиновника, Уильям Блай родился 9 сентября 1754 года в самом сердце торфяных болот Корнуолла, в деревушке Сэинт Тьюди близ Бодмина. Благодаря хлопотам родителей, юный Уильям уже с восьми лет начал свою морскую карьеру: сначала «мальчиком на побегушках», а затем юнгой и простым матросом его зачисляли в экипажи раз-

личных судов. В ту пору это было обычным делом: дети из не самых бедных семей вынуждены были с самого раннего возраста приобщаться к морскому ремеслу – для накопления стажа.

В 1770 году умирает его мать, и шестнадцатилетний Блай поступает на действительную морскую службу в береговую охрану. За шесть лет плавания по Ирландскому морю он получил богатый опыт корабельной науки и прекрасно подготовился к экзамену на офицерский чин. 1 мая 1776 года он блестяще проходит аттестацию и буквально через пару недель получает первое официальное назначение.

И не кем-нибудь, а штурманом (sailing master); и не куда-нибудь, а на судно «Резолюшн», в экипаж легендарного мореплавателя Джеймса Кука, готовившегося к своей третьей экспедиции!

Бесспорно, Блау крупно повезло. Почему умудренный опытом Кук выбрал хоть и подающего надежды, но никому не известного молодого офицера (которому тогда еще не исполнилось и 22 лет), – можно только догадываться. Факт остается фактом: 16 июля 1776 года Блай на борту «Резолюшн» отплывает в Южные Моря.

За время путешествия с Куком Блай проявил себя в полной мере. Он не только истово служил великому капитану, но и во многом учился у него. За четыре года плавания Блай получил колоссальный опыт. Испытал на себе все «тяготы и лишения» долгого морского пути. Побывал во всех четырех океанах планеты. Посетил самые экзотические, дикие места: мыс Доброй Надежды, острова Запустения (Кергелен), Ван Дименова Земля (о. Тасмания), Новая Зеландия, Острова Дружбы (Тонга), Таити и другие райские уголки Великого (Тихого) океана, западное побережье Америки, Аляска, Берингов пролив, льды Арктики... Блай приобрел бесценные практические знания в навигации и картографии. Кук даже доверил молодому штурману нанести на карту вновь открытые Сандвичевы острова (Гавайи). Уже после трагической гибели Кука его экспедиция побывала на Камчатке, и Уильям Блай своей рукой зарисовал очертания Авачинской бухты.

...Высоцкий шутил, когда пел о том, как «к берегам Австралии подплывал покойный ныне Кук» и про то, «почему аборигены съели Кука». Великий путешественник и исследователь Джеймс Кук бывал в Австралии, но погиб не там. Он был не съеден, а убит и расчленен в бухте Кеалакекуа, что на острове Гавайи (он же – Большой Остров Гавайского архипелага). Это случилось 14 февраля 1779 года.

...Накануне гавайцы украли одну из шлюпок «Резолюшн», и взбешенный капитан Кук, приказав Блау и еще одному офицеру блокировать в бухте целую флотилию туземных каноэ, с отрядом солдат направился к местному вождю по имени Каланиопуу – разбираться.

План Кука был прост. Он решил хитростью заманить Каланиопуу на свой корабль и держать его там в заложниках до тех пор, пока украденное не вернут. Великий мореплаватель часто и успешно пользовался подобной тактикой. После долгих разговоров Каланиопуу соглашается, наконец, пойти с Куком, но до самой кромки воды их сопровождают весьма агрессивно настроенные туземцы. Еще немного, и вождь уже оказался бы в шлюпке англичан, но в этот момент разразилась беда.

Ни с того ни с сего с другого берега бухты, оттуда, где дежурил Блай с солдатами, раздается звук залпа. Каланиопуу с Куком останавливаются. С той стороны к ним бежит гаваец и кричит, что белые убили одного из соседних вождей.

Дальше все происходит в считанные секунды. Разъяренные туземцы набрасываются на Кука и в мгновение ока валят его с ног ударами тяжелых дубинок. А затем буквально разрывают его на части...



Дж. Картер «Гибель капитана Кука» (1783)

Что же произошло там, на противоположном берегу бухты? Почему англичане стали стрелять?

Позже выяснилось, что пальба началась стихийно, когда напряжение достигло высшей точки. Каное гавайцев напирало со всех сторон, постоянно провоцируя солдат. Когда один из вождей попытался прорваться сквозь оцепление англичан, одновременно с обеих шлюпок был открыт огонь, и вождь был застрелен. Известие об этом мгновенно достигло берега, и именно это послужило поводом атаки на Кука и, следовательно, одной из причин его гибели.

Как и всех членов команды, страшная смерть Кука потрясла Блая. «...Никогда в жизни я так не волновался, как в тот момент, когда увидел, что к берегу подходит ялик, в котором к нам направлялся м-р Блай. Еще не доходя до берега, он крикнул мне, что надо немедленно снять обсерваторию, и, прежде чем он сообщил мне страшную весть о гибели капитана, я заметил, как горестно было его лицо и лица матросов, сидящих в ялике...» (из дневника лейтенанта Дж. Кинга, второго помощника на «Резолюшн»).

Внезапно трагически погиб кумир и учитель Блая, которого молодой штурман боготворил. И на дальнейшее всемогущее покровительство которого, возможно, в глубине души рассчитывал.

По возвращении в Англию Блай в отличие многих остальных соратников Кука не получил ожидаемых почестей и привилегий. Более того, Блай попал под служебное расследование. Ему и другому офицеру, лейтенанту Рикману, командовавшему второй шлюпкой оцепления 14 февраля 1779 года в бухте Кеалакекуа, инкриминировали преждевременную стрельбу, которая и спровоцировала нападение на Кука. По сути, Блая обвиняли в смерти великого капитана!

Разумеется, кто-то из команды должен был ответить за безвременную утрату великого человека. Как это часто бывает, искали «стрелочника», козла отпущения. Во время допросов офицеры вели себя не самым достойным образом. Каждый, в том числе и Блай, защищался кто как мог, и сваливал все на соседа.

В итоге никого не наказали. С чьей шлюпки тогда выстрелили первыми, и кто именно убил того злополучного вождя, так и не выяснили. В отношении Блая командование официально выразило «недовольство» его вспыльчивым характером и бранной речью. И все, дело замяли.

По идее, после такого исторического и героического плавания карьера Блая могла сразу взлететь очень высоко. А вышло наоборот: он вынужден был отправиться в длительный «заслуженный» отпуск и искать работу на стороне.

Не найдя ничего подходящего в Плимуте, он вернулся на Остров Мэн, где сделал предложение очаровательной Бетси Бетам, дочери таможенного сборщика из Дугласа. По легенде, они познакомились несколько лет назад, еще до похода Кука, когда юный Уильям служил на шлюпе, ловившем контрабандистов в Ирландском море. Есть предание, что Бетси ждала возлюбленного из долгого и дальнего пути. Она провожала неискушенного юношу, а вернулся настоящий мужчина, 26-летний «морской волк». Наверняка она знала, что, несмотря на приличный гонорар, выплаченный ему по возвращении из экспедиции Кука, перспективы жениха весьма и весьма туманны. И, тем не менее, Бетси дала свое согласие.

4 февраля 1781 года их обвенчали в приходской церкви в Ончане, пригороде Дугласа. Но медовый месяц молодоженов продлился всего 10 дней: уже 14 февраля Блая призвали на действительную службу. Началась война с Голландией.

За два года войны Блаю так и не удалось отличиться. Насколько известно, суда, на которых он служил, всего лишь дважды участвовали в активных боевых действиях. В конце войны 28-летнего лейтенанта Блая перевели в запас, сохранив половинное жалование – 73 фунта стерлингов в год³.

Дядя жены, Данкан Кэмпбелл, влиятельный и богатый торговец, судовладелец и плантатор предложил зятю £500⁴ (почти в семь раз больше) и должность капитана торгового флота. И с 1783 года

Блай, продолжая настойчиво ходатайствовать о звании капитана в Королевском Флоте, перешел в «коммерческий сектор» и стал регулярно плавать в Вест-Индию и обратно.

Так прошло четыре года. 31 июля 1787-го он вернулся из очередного рейса на Ямайку и узнал ошеломительную для себя новость. Ему предлагали возглавить специальную экспедицию в Южные Моря – поход за хлебным деревом на «Баунти». Не долго думая, Блай с присутствием ему рвением согласился и незамедлительно приступил к выполнению своих обязанностей.

Судьба неожиданно дарила ему превосходный шанс. Дело государственной важности. Чрезвычайно ответственная миссия. Тяжелая экспедиция. И всё такое. И – самое главное – еще одна возможность проявить себя по-настоящему.

Подготовка

Для выполнения спецзадания – перевозки саженцев хлебного дерева – экс-«Бетиа» подверглась серьезному переоборудованию.

1. Оранжерея

В первую очередь, по приказу сэра Дж. Бэнкса, позаботились о будущем ценном грузе, соорудив нечто необыкновенное – корабельную теплицу:

сломав внутренние переборки, с 11 до 25 футов (7,5 м) в длину увеличили большую каюту, обычно предназначавшуюся капитану;

затем, чтобы влага от полива растений не просачивалась вниз, пол будущего «дендрария» покрыли листами свинца;

предусмотрели хитрую систему дренажа: через специальные отверстия вода, капающая в процессе орошения и конденсации, должна была стекать в две подготовленные бочки – это позволяло бы экономить драгоценную пресную жидкость и использовать ее повторно;

чтобы нежные ростки не замерзли в холодных широтах, в центре оранжереи установили железную печь;

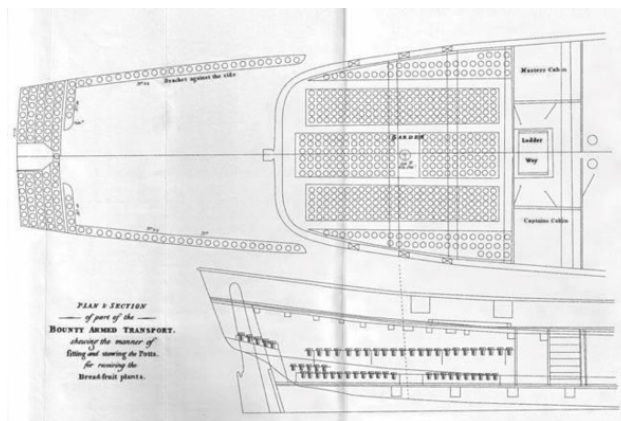
под потолком для лучшей вентиляции пропилили несколько отверстий;

³ Примерно \$300 в месяц по нынешним ценам.

⁴ Более \$2000 в месяц по нынешним ценам.

и, наконец, самое важное: в этой комнате-питомнике настелили второй деревянный пол и в несколько рядов навесили полки по трем стенам; в полу и полках просверлили в общей сложности 629 дыр (по 6 и 8,5 дюймов в диаметре) для цветочных горшков. Именно в этих обыкновенных глиняных цветочных горшках и должны были на протяжении долгих месяцев плавания содержаться саженцы уру.

Угольщик-сухогруз превратили в плавучую оранжерею.



План переоборудования большой каюты «Баунти» под нужды саженцев хлебного дерева

Взамен капитану отвели крохотную каюту, больше напоминающую клетку или келью. Положение офицеров было еще хуже: им предназначалось тесное пространство, разделенное лишь холщовыми занавесками, по соседству с курами, свиньями и овцами. Про матросов и говорить нечего. Им отводился бывший угольный трюм в передней части судна.

2. Переоснащение

Назначенный командиром лейтенант Уильям Блай, прекрасно зная грузность и неповоротливость торговых судов, приказал значительно облегчить и «убыстрить» корабль:

сократить балласт железных чушек с 45 до 19 тонн;

слегка укоротить все три мачты (чтобы компенсировать «облегчение») и чуть опустить так называемый центр парусности, соответственно переместив реи вниз;

дооснастить «Баунти» дополнительными парусами;

и даже – Адмиралтейство пошло и на это – обшить корпус судна медным листом. Это: а) улучшало гидродинамику корабля (сопротивление воды уменьшалось), и б) защищало подводную часть от неизбежного налета морских водорослей и моллюсков, обычно тоже сильно замедлявших скорость корабля⁵.

Впрочем, быстрым кораблем «Баунти» не стала. Время покажет, что ее средняя скорость будет равняться 123 морским милям⁶ в сутки, или чуть больше 5 узлов⁷. Максимальная скорость, зафиксированная в судовом журнале «Баунти» – 9 узлов (16,6 км/ч).

Помимо работ по «убыстрению» судна Блай предпринял шаг, который впоследствии, как выяснится, станет для него судьбоносным. Он велел заменить шлюпки. Вместо старых и не очень современных по его приказу на борт доставили новые весельные лодки 20 и 16 футов длиной. И – новый, только что построенный из английского дуба 23-футовый баркас.

⁵ Много лет спустя, в июне 2005 года, мне доведется прикоснуться к одному из останков этой самой медной обшивки дна «Баунти»: Глинн Кристиан, пра-пра-пра-правнук мятежника, даст мне возможность подержать в руках его бесценную реликвию.

⁶ Морская миля (Великобритания) – 1853,2 м.

⁷ Узел – единица измерения скорости судна, равная одной морской миле в час.

Этому баркасу предстоит войти в легенду.

3. Вооружение

9 октября, закончив перепланирование и дооснащение, «Баунти» переместилась вниз к устью Темзы, в верфь Лонг Рич, где корабль вооружили (на случай нападения пиратов или дикарей):

установили 4 передвижных 600-фунтовых (272,2 кг) пушки, стрелявшие 4-фунтовыми (1,8 кг) ядрами;

снарядили 10 полуфунтовыми поворотными орудиями на специальных штативах;

укомплектовали боеприпасы несколькими мушкетами, саблями и необходимым количеством патронов и пороха.

Теперь «Баунти» можно было называть ее полным официальным именем: Вооруженное Судно Его Величества.

4. Провизия

Завершив вооружение, 15 октября Блай получил приказ для закупки провианта переместиться в пролив Спитхэд (близ Портсмута), но из-за штормов и сильного встречного ветра сумел выполнить распоряжение лишь 4 ноября. Выйдя из устья Темзы в Северное Море и обогнув самую восточную оконечность Великобритании, Мыс Лоусофт, «Баунти» вошла в пролив Ла Манш и достигла Портсмутской гавани – главной базы Королевского Военного Флота и тогда и теперь.

Экспедиция в Южные Моря могла продлиться не менее двух лет, но Адмиралтейство предписывало обеспечить судно продовольствием всего на 1 год, рассчитывая на то, что запасы еды и пресной воды можно будет пополнять в пути – в портах и у аборигенов. Блай настоял на 18-месячном запасе для «Баунти». И трюмы шхуны начали заполняться.

Ячмень и пшеница, мука и горох, концентрированный солод и хлеб в галетах, соленая говядина и головы сыра, лимонный сок и квашенная капуста, сливочное масло и так называемый «сухой суп» (сегодня эти брикеты мы бы назвали бульонными кубиками), жир для жарки и уксус, вино и виски, дешевое пиво и пресная вода – все это в громоздких бочках, бурдюках и ящиках переполняло и без того тесные закрома «Баунти».

Кроме этого, на борт доставили несколько живых кур, овец и свиней.

Все это хозяйство должно было находиться под бдительным оком судового эконома, по совместительству – капитана корабля, лейтенанта Уильяма Блая.

5. Прочее

Сэр Дж. Бэнкс, как и Блай, был на Таити и прекрасно знал, что туземцы обожают торговаться и обмениваться всяческими товарами и безделушками. Специально для подарков местным жителям Блаю дозволили потратить целых £125⁸.

Закупили почти тысячу фунтов (400 кг) 3-, 6- и 10-дюймовых гвоздей и костылей, 234 дюжины разнообразных стамесок, зубил и долот, 14 дюжин топоров различных размеров, 4 дюжины ручных пил, по 10 дюжин сверл и «грубых плоских напильников», 9 дюжин рашпилей, 4 дюжины ножей с деревянными рукоятками, 80 фунтов дешевых бус из белого, синего и красного стекла, 14 дюжин трех- и шестипенсовых ручных зеркал, серьги-«капельки» из разноцветного стекла в количестве 22 дюжины, различные ткани и одежду, головные уборы, обувь и прочее, прочее, прочее... Впоследствии все эти предметы станут прекрасной универсальной «валютой» в Южных Морях. Все укромные уголки и щели «Баунти» были буквально забиты всевозможными мелочами.

⁸ По нынешним ценам – \$6250.

Сказать, что «Баунти» была перегружена – не сказать ничего.

В общей сложности на переоборудование и закупки было потрачено \$3306166 (по нынешним ценам).

Экипаж

«...Команда на Баунти была сборная, частью с купецких судов, разный сброд...»

В. И. Даль «Остров Питкэрн» (1831)

Параллельно с подготовкой судна шло укомплектование экипажа. За вербовку личного состава тогда отвечал сам командир, и Блай взялся за дело.

Надо сказать, что с наступлением мира в 1783 году в запас было уволено более 80% всех офицеров военно-морского флота. Несколько тысяч специалистов, по сути, оказались безработными. Кому-то (как, например, Блая) повезло – некоторые перешли в торговый флот, но все равно большинство офицеров оставались не у дел. И поэтому весть о любых открывающихся вакансиях вызывала настоящий ажиотаж.

На «Баунти» рвались многие. Хотя цель и маршрут миссии держались в строгом секрете, безработные лейтенанты, младшие офицеры, гардемарины, а также их родственники и покровители буквально осаждали и самого Блая, и сэра Джозефа Бэнкса. Вообще, стоит признаться, в XVIII веке протекционизм и кумовство цвели в Британском флоте буйным цветом. И именно по этому «принципу» и стал набираться офицерский состав.

В результате несколько человек оказались на «Баунти», говоря по-советски, «по блату». Доподлинно известно, что восемь юношей из благородных семейств записались на судно благодаря ходатайствам их родственников и знакомых:

17-летний Роберт Тинклер – по личной рекомендации своего деверя (мужа сестры), штурмана «Баунти» Джона Фрайера;

15-летний Томас Эллисон и 21-летний Эдвард Янг – по протекции Данкана Кэмпбелла, дяди жены Блая;

15-летний Питер Хейвуд с Острова Мэн – по ходатайству тестя Блая, доктора Ричарда Бетама, близкого друга Хейвудов;

15-летний Джон Халлетт и 20-летний Томас Хэйуорд – благодаря хлопотам жены Блая Элизабет, семья которой тесно дружила с их родителями;

и, наконец, по личному приглашению самого Блая – 21-летний Джордж Стюарт и 23-летний Флетчер Кристиан.

Только трое из них занимали официальные должности: Кристиан был назначен вторым помощником штурмана, Хэйуорд и Халлетт – гардемаринами. Стюарта, Хейвуда и Янга зачислили матросами, Тинклера и Эллисона – юнгами. На самом деле, конечно, на борту «Баунти» они (за исключением самого молодого – Эллисона) выполняли обязанности тех же гардемарин, и все остальные должны были почтительно называть их «мистер».

Семь человек из экипажа «Баунти» плавали с Блаем раньше: ботаник Дэвид Нельсон и оружейник Джозеф Коулман (оба участвовали в Третьей Экспедиции Кука), опытный канонир Уильям Пековер (участвовал во всех трех экспедициях Кука), парусный мастер Лоренс Лебог, старшина Джон Нортон, юнга Томас Эллисон и помощник штурмана Флетчер Кристиан (последние четверо служили у Блая на торговом судне «Британния»).

Помимо ботаника Нельсона и садовника Брауна еще несколько человек из старшего состава были назначены на «Баунти» по распоряжению Адмиралтейства (и против воли капитана): штурман Джон Фрайер, плотник Уильям Пёрселл и судовой доктор Томас Хагган. Опережая события, скажем, что именно эти трое станут главной головной болью Блая во время

плавания. Еще во время стоянки в Спитхэде командир убедился в том, что лекарь – горький пьяница, и ему пришлось срочно найти второго врача: им стал Томас Денман Ледуорд.

В официальном реестре простыми матросами значились также помощник оружейника Джон Уильямс, личный слуга капитана Джон Смит, цирюльник Ричард Скиннер, кок Томас Холл, портной и помощник кока Уильям Маспрэтт, мясник Роберт Лэмб и бондарь Генри Хиллбрант. Одним из последних в экипаж простым матросом был зачислен полуслепой скрипач Майкл Бирн. Блау нужен был музыкант для вполне определенных целей...

Простых матросов набирали на добровольной основе, и, тем не менее, с «Баунти», пока судно готовилось к отплытию, дезертировали в общей сложности 14 человек – почти треть экипажа! Еще один нехороший знак в самом начале всей истории...

Блай в спешке искал замены, не очень разбираясь, кого именно он берет с собой в трудное и долгое плавание. Одному, сбежавшему перед самым отплытием из Портсмута, замену найти не успели, и «Баунти» вышла в море недоукомплектованной на одного матроса.

Согласно штатному расписанию, команда «Баунти» должна была состоять из сорока пяти моряков, включая командира (плюс ботаник и садовник). На самом деле в итоге получилось иначе: экипаж состоял из 46 человек, из которых рядовыми матросами служили лишь 16 (вместо положенных 24). Зато на судне оказалось целых 6 юных гардемарин (вместо положенных двух). Адмиралтейство не сочло целесообразным открыть на «Баунти» должность эконома, и Блау пришлось самому отвечать за расход провианта и денежных средств. На судне не было ни одного моряка в офицерском чине (кроме самого лейтенанта Блая) и всего один человек, отвечавший за безопасность и дисциплину на борту – капрал Чарльз Чёрчилл (обычно в дальние походы снаряжали несколько солдат морской пехоты).

Экипаж «Баунти»

Лейтенант Уильям Блай, 33 (William Bligh) Командир корабля				
Джон Фрейер, 35 (John Freyer) Штурман				
Флетчер Кристиан, 23 (Fletcher Christian) Помощник штурмана		Уильям Эффингстоун, 36 (William Effingham) Помощник штурмана		
Уильям Коул, 77 (William Cole) Боксман	Томас Хаттон, 77 (Thomas Hutton) Врач	Уильям Персепт, 25 (William Percett) Плотник	Уильям Пекер, 40 (William Packer) Канонер	
Дэвид Непсон, 77 (David Nelson) Ботаник	Лоренс Лёбог, 39 (Laurence Leboeg) Парусный мастер	Чарльз Чёрчилл, 28 (Charles Churchill) Капрал	Джозеф Коулман, 36 (Joseph Coleman) Оружейник	
Джордж Стивенс, 21 (George Stewart) Гардемарин		Роберт Тинклер, 17 (Robert Tinkler) Гардемарин	Джон Халлетт, 15 (John Hallett) Гардемарин	
Питер Хейвуд, 15 (Peter Heywood) Гардемарин		Томас Хьюорд, 20 (Thomas Hayward) Гардемарин	Эдвард Янг, 21 (Edward Young) Гардемарин	
Питер Линдлеттер, 30 (Peter Lindletter) Старшина-рулевой	Джон Нортон, 34 (John Norton) Старшина-рулевой	Джеймс Моррисон, 27 (James Morrison) Помощник боксмана	Томас Ледуорд, 77 (Thomas Ledward) Помощник врача	
Томас Макинтош, 26 (Thomas McIntosh) Помощник плотника	Чарльз Норман, 30 (Charles Norman) Помощник плотника	Джон Миллс, 38 (John Mills) Помощник канонера	Джон Уильямс, 26 (John Williams) Помощник оружейника	Джордж Симпсон, 27 (George Simpson) Помощник старшины
Уильям Браун, 25 (William Brown) Садовник	Джон Сэмюэл, 26 (John Samuel) Писарь	Джон Смит, 36 (John Smith) Слуга капитана	Томас Холл, 38 (Thomas Hall) Кок	Майкл Бирн, 26 (Michael Byrn) Скрипач
Роберт Лэмб, 21 (Robert Lamb) Мясник, матрос	Генри Хиллбрант, 24 (Henry Hillbrand) Бондарь, матрос	Ричард Скиннер, 21 (Richard Skinner) Матрос, цирюльник	Уильям Маспрэтт, 26 (William Maspratt) Матрос, портной	
Томас Бёркетт, 25 (Thomas Burckett) Матрос	Джеймс Валентин, 27 (James Valentine) Матрос	Маттью Квинтал, 21 (Matthew Quintal) Матрос	Уильям Маккой, 23 (William McCoy) Матрос	Айзек Мартин, 30 (Isaac Martin) Матрос
Джон Миллуорд, 20 (John Millward) Матрос	Джон Саммер, 22 (John Summer) Матрос	Александр Смит, 20 (Alexander Smith) Матрос	Маттью Томпсон, 37 (Matthew Thompson) Матрос	Томас Эллисон, 15 (Thomas Ellison) Юнга

Возраст указан на декабрь 1787.

Средний возраст экипажа, по мнению профессора С. Уолруса, составлял 26,4 лет. Судя по сохранившимся записям, из 46 членов экипажа примерно одиннадцати морякам было под сорок, а шестнадцати еще не исполнилось 25 лет. Самым старшим на судне, очевидно, был 40-летний канонир Пековер, самыми молодыми – 15-летние подростки Халлетт, Хейвуд и Эллисон. 27 человек из команды «Баунти» ни разу не пересекали экватор. Словом, это была очень разнородная, в основном молодая и неопытная команда.

Впрочем, среди всего разношерстного экипажа на борту «Баунти» находился один моряк, которого капитан Уильям Блай мог назвать не только своим учеником и протеже, но своим другом. Этого молодого человека Блай, едва узнав о своем головокружительном назначении, лично сам пригласил пойти с ним в плавание. И предложил ему должность второго помощника штурмана.

Юноша думал не долго.

И вот 7 сентября 1787 года на палубу «Баунти» ступил главный герой нашей истории.

Флетчер Кристиан

«... Я жадно вглядываюсь в этого человека...»

Михаил Булгаков

«Жизнь господина де Мольера»

...К величайшему сожалению, не сохранилось ни одного его прижизненного портрета. Хотя впоследствии Блай описал его как постоянно потеющего неврастеника с кривыми ногами, многочисленные современники свидетельствуют, что это был высокий, атлетически сложенный темноволосый красавец, пользовавшийся успехом у женщин.

Все отмечают, что по характеру он слыл мягким и легко ранимым человеком. Про таких говорят: тонкая натура. Впрочем, иногда он был способен на крайне решительные действия.

Но кем он был на самом деле – легендарный мятежник и романтический герой – Флетчер Кристиан?

Каким он был?

Уж если мы решили погрузиться в историю «Баунти» и Питкэрна поглубже, нам просто необходимо знать о нем как можно больше. Это важно. И потому следующие несколько страниц будут посвящены ему, основному действующему лицу нашей драмы.

...Почти через двести лет после мятежа на «Баунти», в 1982 году сначала в Лондоне, а затем в Бостоне вышел труд под названием «Fragile Paradise» («Хрупкий рай»). На сегодняшний день эта книга – не только одна из самых лучших о мятеже и об острове Питкэрн, но еще и единственная биография Флетчера Кристиана. И написал ее пра-пра-пра-правнук знаменитого мятежника – Глинн Кристиан, новозеландский писатель, живущий в Лондоне.

Почти все, что мне довелось узнать о Флетчере, я почерпнул из этой потрясающей книжки. И из личного общения с ее автором, дай бог ему здоровья и всех благ...

...Выходец из старинного дворянского рода Флетчер Кристиан родился 25 сентября 1764 года в небогатой семье, на хуторе с поэтическим названием Мурланд Клоуз (Moorland Close, что можно перевести как Тупик Вересковой Пустоши). Это местечко расположено неподалеку от родового гнезда Кристианов Юэнригг (Ewanrigg), в одном из самых живописных и романтических уголков северо-западной Англии – в Озерном Крае (графство Камбрия). Эта «страна зеленых холмов и синих озер» воспета многими поэтами (в том числе и основоположником английского романтизма, знаменитым Уильямом Уордсвортом – кстати, земляком и современником Флетчера Кристиана).

На протяжении нескольких веков предки Кристиана занимали видное положение как в Камбрии, так и на Острове Мэн – холмистом клочке суши, лежащем в Ирландском море,

между Великобританией и Ирландией. Этот форпост викингов и древних кельтов долгое время оставался независимым, и перешел под протекторат английской Короны лишь в 1765 году, на следующий год после рождения Флетчера Кристиана.

Именно там, на Острове Мэн, неподалеку от городка Рамси, располагалось средневековое имение Милнтаун (Milntown) – еще одно, основное, родовое гнездо Кристианов⁹. И, хотя будущий мятежник появился на свет на территории нынешней Англии, англичанином его можно назвать с некоторой натяжкой: своей исторической родиной он, скорее всего, считал именно Остров Мэн; там были его корни, оттуда пошел его древний клан.



Герб клана Кристианов

Конечно, и романтические красоты Озерного Края, вдохновлявшие многих поэтов на лирические баллады, и вольный дух «маленького, но гордого» Острова Мэн¹⁰, отложились в генах Флетчера Кристиана. И позднее стали частью его легендарного образа – свободолюбивого романтика и благородного бунтаря.

Генеалогическое древо Кристиана, опубликованное в книге «Хрупкий Рай», впечатляет. Здесь и несколько поколений так называемых «димстеров» (верховных судей) Острова Мэн, и национальный герой островитян Иллиам Доун (Illiam Dhune), и бабушка Флетчера, Бриджет Сенхаус – прямая наследница Короля Англии Эдварда I.

Флетчер стал седьмым по счету ребенком (и шестым мальчиком), рожденным в семье 35-летнего Чарльза и 34-летней Энн Кристианов.

Отец будущего мятежника, Чарльз Кристиан (1729 – 1768), потомок процветающего и древнего клана, служил скромным юристом в соседнем с имением Мурланд Клоуз городке Кокермут (Cockermouth). Мать Флетчера, Энн Кристиан (1730 – 1820), урожденная Диксон, происходила из, может быть, не столь благородной и богатой, но не менее уважаемой семьи. Она была дочерью местного красильщика, и ферма Мурланд Клоуз принадлежал ей.

Свое имя очередной сын четы Кристианов получил в честь старинного рода своей бабушки по материнской линии: мать Энн Диксон, Мэри, носила девичью фамилию Флетчер. (Один из представителей этого древнего клана, некто Уильям Флетчер, прославился тем, что однажды, в далеком XVI веке, по семейному преданию приютил в своем кокермутском доме опальную Марию Стюарт, Королеву Шотландии).

⁹ Имение (правда, многократно перестроенное) сохранилось до наших дней. Сегодня окрестности Милнтауна радуют глаз ухоженной природой, а ухо – мирной тишиной, редкими даже для такого спокойного места, как Остров Мэн (см. цветную вкладку).

¹⁰ Остров Мэн, кстати, и по сей день не входит в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, имеет официальный статус «владения Короны», а также свои собственные флаг, герб, парламент и валюту. До недавнего времени для въезда на остров гражданам России требовалась специальная виза.

...Мальчика окрестили непосредственно в день появления на свет, 25 сентября, в приходской церкви соседней деревушки Брайам (Brigham, местные жители произносят «Бригэм»). Глинн Кристиан считает, что поспешное крещение непосредственно сразу после рождения – явный признак того, что ребенок был обречен: или родился больным, или мог быстро умереть от повсеместно свирепствовавших тогда эпидемий. Или и то, и другое.

Но мальчик выжил. Ему повезло.

Всего у Чарльза и Энн Кристианов в общей сложности с 1752 по 1767 годы родилось десять детей: семь мальчиков и три девочки. Однако почти половина – четверо (сыновья Юэн и Джейкоб, а также дочери-близнецы Фрэнсис и Энн) – умрут в младенчестве. Флетчер, к счастью, избежит этой участи.

На момент его рождения двум старшим братьям, Джону и Эдварду, 12 и 6 лет, сестренке Мэри и братику Чарли – 4 и 2 года соответственно. Оба старших брата уже ходят в школу, и отец с матерью мечтают о хорошем образовании для своих детей. Но на это нужны деньги, а их-то как раз у семьи не хватает. Судя по сохранившимся документам, ферма Мурланд Клоуз особого дохода не приносила, и чета Кристианов с самого начала их семейной жизни жила в долг. Причем кредиторами, как правило, выступали родственники. Более удачливые представители клана Кристианов.



Ферма Мурланд Клоуз в наши дни

Когда Флетчеру еще не исполнилось четырех лет, умирает отец. И Энн Диксон Кристиан остается одна с шестью детьми, старшему из которых, Джону, 16 лет, а младшему, Хамфри, нет еще и годика. С тех пор семья, и без того жившая небогато, вступает в затяжную полосу борьбы за существование. На плечи 38-летней вдовы ложится все бремя долгов и становления мальчиков на ноги. Замуж она больше не выйдет, и ее младшие дети вырастут без отца.

О детстве Флетчера сохранились самые скудные сведения. Начальная школа в деревушке Брайам, в полутора милях от Мурланд Клоуз, затем средняя «грамматическая» школа в Кокермуте – в паре миль от дома... В этой же самой школе, кстати, потом станет учиться и юный Уилл Уордсворт, будущий знаменитый поэт Англии. Он младше Флетчера на шесть лет – для детей разница существенная, и мальчики, две будущих легенды городка, вряд ли общаются друг с другом.

Примерно в 1777 году, когда Флетчеру исполняется 13 лет, его вслед за братом Чарли отдают на учебу в Сэйнт-Биз (St. Bees)¹¹ – привилегированный лицей для мальчиков, распо-

¹¹ Два столетия спустя, в середине 60-х годов XX века, в этой школе станет учиться будущий «мистер Бин» – английский комик Роуэн Аткинсон.

женный близ шахтерского городка Уайтхэйвен (Whitehaven), на берегу Ирландского моря. Это примерно в полутора десятках миль от родного Мурланд Клоуз, и братья живут в интернате при школе, возвращаясь домой лишь на воскресенья.

Существует предание, что безотцовщина Флетчер учиться не любил, предпочитая школу прогулкам по окрестным холмам и долинам. Доказательств этому нет. Мне думается, что будущий предводитель мятежников в детстве хулиганом и сорвиголовой все же не был. Не вяжется эта легенда с тем, что мы знаем о нем взрослом. С тем, как он зарекомендовал себя до похода «Баунти», с тем, как вел себя в день мятежа, да и потом, на Питкэрне...

Исторический фон его детских и отроческих лет весьма насыщен. 70-е годы XVIII века – это Американская Революция, пугачевский бунт в России, научные открытия (фотосинтез, Закон Кулона, планета Уран), и, разумеется, сенсационные путешествия капитана Джеймса Кука. В эти годы в самом расцвете своих сил творят Моцарт, Гойя, Кант и Джордж Вашингтон. Человеческая цивилизация только готовится к тому небывалому скачку, который ей предстоит совершить десятилетие спустя, в конце 80-х.

Но отголоски Большой Жизни доходят до английского захолустья, какой тогда была Камбрия, с запозданием, и, конечно же, подростку Флетчеру Кристиану нет до мировых новостей никакого дела. Надо думать, его как любого нормального сверстника гораздо больше интересуют совсем другие вещи. И в этом, наверное, он ничем не отличается от своих современных ровесников, тинейджеров XXI века.

Мальчишеские игры, мечты и фантазии. Любимые книжки («Робинзон Крузо» и «Гулливер»?). Море. Путешествия. Первые понятия о чести и о чувстве собственного достоинства. О своих близких и родственниках. Запретные плоды взрослых (как и сегодня, это, в первую очередь, табак и алкоголь?). Настоящая детская дружба и драка до первой крови.

И, конечно, первая любовь.

...Ее звали Изабелла Кёрвен (Isabella Curwen), она была младше Флетчера на год и, по семейной легенде, с детства пленяла всех своей красотой. Ее отец, Генри Кёрвен, считался одним из богатейших и влиятельнейших людей округа. Он не только являлся членом парламента и шерифом графства, но и владел несколькими угольными шахтами на побережье Камбрии. Кёрвены жили в Уоркингтоне (всего лишь милях в семи и от Мурланд Клоуз, и от родового поместья Кристианов в Юэнригте) и, должно быть, частенько навещались в гости соседям и родственникам.

Ведь покойная родная сестра Генри Кёрвена, Джейн (тетка Изабеллы), была замужем за Джоном Кристианом XVI (1719 – 1767) – родным старшим братом отца Флетчера, Чарльза Кристиана. То есть приходилась теткой и самому будущему предводителю мятежников. Таким образом, можно смело назвать Флетчера и Изабеллу дальними родственниками.

Без всякого сомнения, мальчик и девочка знали друг друга. Клан Кристианов и Кёрвенов дружили домами, и их дети иногда проводили время вместе. Представьте себе образ жизни и круг общения нескольких семейств поместных дворян, чьи имения и усадьбы расположены по соседству: визиты в гости, провинциальные балы, совместная охота, игры на свежем воздухе, конные и пешие прогулки по живописнейшим окрестным холмам и по песчаным пляжам холодного Ирландского моря...

Впрочем, некое неравенство все же налицо. Благосостояние и благополучие Кёрвенов растет, а мать Флетчера, едва сводя концы с концами, беднеет день ото дня. Как удачливые и богатые родители Изабеллы относились к несчастной Энн Кристиан и ее сыну? Сторонились все больше и больше? Или, наоборот, всячески помогали? Однозначного ответа нет.

В конце 70-х годов это неравенство только обострится.

В 1776 году умирает мать Изабеллы, а еще через пару лет, в декабре 1778-го – отец. И 13-летняя сирота, будучи единственным ребенком в семье, становится наследницей огромного состояния. «Угольной принцессой».

Что автоматически делает ее первой невестой округа. Количество опекунов и ухажеров вокруг юной девушки заметно увеличивается.

А Мурланд Клоуз окончательно приходит в упадок. В 1779 году умирает Джейкоб Диксон, отец Энн Кристиан и дед Флетчера. Долги семьи достигают суммы £6490 (по сегодняшнему курсу – это более трехсот тысяч фунтов стерлингов!). Ферма на грани банкротства и под угрозой разорения.

На помощь приходят старшие сыновья, 27-летний Джон и 21-летний Эдвард, уже несколько лет живущие отдельно от матери. Первый, пойдя по стопам отца, служит юристом в Кокермуте; второй учится на адвоката в Кембридже. Джон выставляет на продажу свой большой городской дом. Эдвард вступает в длинную казуистическую переписку с займодавцами, упрашивая их повременить с исками.

В этот момент в Камбрию с Острова Мэн возвращается один из этих кредиторов. Это старший кузен Флетчера, 23-летний Джон Кристиан XVII Кёрвен (сын покойных Джона Кристиана XVI и Джейн Кёрвен, а также бывший подопечный Генри Кёрвена). Этому энергичному и удачливому человеку предстоит сыграть в судьбе Флетчера определенную роль.

В том же 1779-м у него умирает жена, и молодой вдовец с трехлетним сыном на руках решает переселиться в Юэнригг. Джон XVII богат: у него доля в угольном бизнесе Кёрвенов и в недвижимости Кристианов. Несколько лет назад он дал в долг своему кузену и тезке, Джону Кристиану, немалую сумму – 400 фунтов стерлингов, и теперь, когда его родственники оказались в беде, а его деньги – под угрозой потери, для него настал момент истины.

Выступая в роли заинтересованного посредника, Джон XVII, с одной стороны, уговаривает свою тетю Энн Кристиан сдаться и, чтобы рассчитаться с долгами, продать Мурланд Клоуз с аукциона, а с другой – убеждает кредиторов с Острова Мэн пойти на соглашение и разделить полученные деньги по справедливости.

Ситуация чем-то напоминает коллизию чеховского «Вишневого сада»: обанкротившееся имение, разорившаяся вдова и активный молодой предприниматель – друг семьи, искренне желающий помочь и при этом заботящийся о своей финансовой выгоде.

10 апреля 1780 года ферма Мурланд Клоуз продается с аукциона, прошедшего в отеле «Глобус» на Мэйн-стрит в Кокермуте¹². Дальше почти все как по Чехову: имение (включая дом, поля и скот) выкупает сам Джон XVII, что приносит ему, судя по сохранившимся документам, четыре с половиной тысячи фунтов стерлингов, а бывшая хозяйка, ныне бездомная Энн Кристиан с тремя детьми вынуждена уехать из родных мест.

Новый владелец обязуется выплачивать 50-летней вдове 40 гиней (£70) ежегодно, и эта сумма, вкупе с двадцатью фунтами стерлингов, которые отдает матери Эдвард Кристиан, должны обеспечить ей остаток дней. Итого 90 фунтов в год: в пересчете на сегодняшние деньги это порядка четырех с половиной тысяч американских долларов, или по \$375 в месяц.

Теперь, разумеется, ни о какой приличной партии для бесприданницы Мэри, и, тем более, ни о каком университете для Флетчера и Хамфри не может идти и речи.

И все же, надо полагать, Энн Кристиан была весьма и весьма признательна племяннику. Благодаря его усилиям она не попала под суд и не села в долговую тюрьму. По ходатайству Джона XVII ее вместе с детьми приютили Кристианы Острова Мэн.

В один невеселый день 1780 года вдова, ее 20-летняя дочь и двое ее сыновей, 16 и 13 лет, садятся на паром Уайтхэйвен – Дуглас и покидают Камбрию. Для Флетчера начинается новый этап жизни.

¹² Отель сохранился до сих пор. Здание, кстати, находится по соседству с «Таверной Флетчер Кристиан» в самом центре городка, на его главной улице.

Камбрия

*Как позлащенные щиты,
Трофеи пламенного неба,
Легли на горные хребты
Поля с роскошной жатвой хлеба.
Как стекло, лазоревых озер
Поверхность спит, не колыхаясь,
И выси дальних сизых гор
В нее глядятся, отражаясь.
Уильям Уордсворт «Сентябрь»
(перевод Д. Мина)*

...У самой границы Национального Парка «Озерный Край», у подножья камбрийских гор, на месте слияния двух речушек Кокер и Дервент расположился небольшой городок Кокермут (Cockermouth, что можно перевести как «устье Кокера»). Для всех желающих совершить небольшое путешествие по родным местам Флетчера Кристиана, этот населенный пункт – оптимальная точка для начала маршрута.



Ближайшая железнодорожная станция местной электрички находится в 11 км от Кокермута, в Мэрипорте, ближайший крупный транспортный узел – в 37 км, в Пенрите, а ближайший международный аэропорт – в 130 км, в Ньюкасле. Так что до городка лучше всего добираться на автомобиле. Или на автобусе – как кому удобнее. Тем более, что сегодня дороги Камбрии, как и местная сеть автобусных маршрутов, развиты прекрасно.

Кокермут гордится тем, что является родиной знаменитого поэта, автора множества романтических баллад и певца Озерного Края Уильяма Уордсворта (1770 – 1850). Об этом вам обязательно напомнит специальная дорожная табличка при въезде. Флетчер Кристиан – всего на шесть лет старше – второй в почетном списке известных горожан.

На Мэйн-стрит, центральной улочке городка, буквально в нескольких десятках метров наискосок друг от друга расположены мемориальный дом Уордсворта и паб «Таверна Флетчер Кристиан». Второй пользуется явно большей популярностью у посетителей.

Над вывеской – портрет серьезного молодого человека в синем мундире флотского офицера (работа явно самодеятельного художника), по бокам от центрального входа – эффектные информационные панно «Баунти» и «Флетчер Кристиан», на которых вкратце рассказана история мятежа и мятежников, внутри – оформление интерьера «под парусник»: морские узлы,

матросские сундуки, компасы и рынды. Забавно было видеть с любовью выполненную деревянную карту маршрута «Баунти» между игральным автоматом и барной стойкой.

Впервые я зашел сюда в июле 2007 года, всего через несколько дней после того, как власти Британии, прервав многовековую традицию, запретили курить в пабах. И потому разочарованных посетителей здесь было совсем немного...

По вечерам здесь играют приглашенные группы и заезжие музыканты. Местные жители называют паб просто «Флетчер»: «Ты где? Я у Флетчера», «Подкатывай к Флетчеру» и т. д.

Согласно последней переписи населения (2007) в Кокермуте проживает 7787 человек. При этом в городке:

полторы дюжины традиционных британских пабов (с такими характерными местными названиями, как «Черный Бык», «Коричневая Корова» и «Серый Козел», не говоря уже о «Таверне Флетчер Кристиан») плюс с четверть сотни ресторанчиков, баров, кафе, чайных комнат и фаст-фудов, предлагающих – в том числе – итальянскую, индийскую и китайскую кухни;

семь небольших отелей и полтора десятка гостевых домов, так называемых B&B («би-энд-би», «bed and breakfast», что в дословном переводе с английского означает «кровать и завтрак»);

один музей, три арт-галереи, шесть церквей и около пяти десятков магазинчиков, маленьких и не очень.

Вы без труда найдете, где переночевать, где поесть, и на что посмотреть. Все это расположено на территории, сравнимой с площадью острова Питкэрн – не более 5 км². Типичный английский провинциальный городок.

Среди особенных достопримечательностей Кокермута:

нормандский замок XIII века (в настоящее время – частная собственность, и вход туда запрещен),

пивоварня «Дженнингс», с 1860 года производящая несколько сортов прекрасного эля,

и современный Озерный Центр Овечьей Шерсти (Lakeland Sheep and Wool Centre), где вы сможете не только полюбоваться скоростной стрижкой отборных овец, но и приобрести не знающий сноса свитер отменной местной вязки.

Кстати, как раз мимо этого Центра Шерсти и лежит путь из Кокермута в Мурланд Клоуз.

Если свернуть с Мэйн-стрит напротив Дома Уортсворта и двигаться на юг по трассе A5086, то буквально через километр городок закончится, и сразу после дорожной развязки с шоссе 66 начнется царство очаровательных жвачных и парнокопытных. За невысокой зеленой изгородью справа и слева от дороги раскинулись поля с сочной травой, и власть здесь почти всецело принадлежит величественным и вальяжным овцам.



В окрестностях Кокермута, по дороге в Мурланд Клоуз

Они давно уже не проявляют никакого интереса к проезжающим мимо автомобилям, и обратить их внимание на себя возможно лишь, подойдя вплотную к изгороди и щелкнув фотовспышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.